

ОЛЬГА КАРБАСОВА

Стратегия информационного давления на Иран

Уже в течение многих лет Иран является мишенью для международного давления, связанного с его программой обогащения урана и сочетающего (в разное время в разных пропорциях) два основных метода — дипломатические меры и экономические санкции. При этом официальной целью как международной дипломатии, так и экономического давления является принуждение Ирана отказаться от своих попыток выйти на 20-процентный уровень обогащения урана.

В центре внимания мировой общественности всегда находятся либо очередные политические переговоры о денуклеаризации Ирана, либо вопрос о введении (ужесточении или ослаблении) экономических санкций. Однако на втором плане международного давления неизменно разворачивается сложная психологическая борьба, связанная с информационным воздействием на Иран. Эта борьба ведется по своим правилам и имеет свои закономерности, проследить которые необходимо для получения более полной и достоверной картины политики западных держав по отношению к Ирану.

Основные вехи информационного давления на Иран в 2011—2012 годах были связаны с последними шагами

по «переформатированию» Востока. В 2011 году главным событием, ставшим причиной очередных информационных атак на Иран, стало победоносное (хотя и не столь быстрое, как предполагалось) завершение ливийской операции (за победой НАТО в Ливии в октябре 2011 года последовал шквал обвинений в сторону Ирана, связанных с покушением на саудовского посла в США). В 2012 году центральной темой информационных атак на Иран является его отношение к событиям в Сирии, в частности утверждение о том, что Иран является поставщиком оружия для режима Башара Асада.

В обоих случаях основной целью таких обвинений является нанесение ущерба имиджу Ирана, который представляется как государство, пользующееся «грязными» методами борьбы, поддерживающее авторитарные режимы и т. п. Такая технология негативного имидж-мейкинга (а также практики дезинформации, информационных утечек или распространения слухов) должна способствовать формированию негативного восприятия страны в мировом общественном мнении. Максимум, чего можно добиться в результате использования этой технологии, так это состояние международной изоляции страны — объекта информационных атак.

КАРБАСОВА Ольга Вячеславовна — старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Психологическое состояние международного бойкота может иметь вполне осязаемые материальные последствия. В случае Ливии международная изоляция стала фактором легитимации создания международной военной коалиции, начала военной операции и последующей смены политического режима. Таким образом, как показывает опыт информационных кампаний последних двух десятилетий, информационные атаки, как правило, являются ступенью, служащей для дальнейшего перевода сценария давления на страну в русло «горячей» войны.

Осознавая всю опасность статуса «страны-изгоя», Муаммар Каддафи пошел на беспрецедентные шаги, чтобы вырваться из кольца международной изоляции. На его «счету» были отказ от разработки оружия массового уничтожения, демонстративный разрыв с террористическим прошлым, компенсация ущерба жертвам катастрофы над Локерби, создание выгодных условий для западных нефтяных и газовых компаний. Однако цель международных санкций и информационного давления, по-видимому, состояла вовсе не в том, чтобы вернуть «страну-изгоя» на путь демократии.

Что же касается Ирана, на протяжении многих лет находящегося под информационным давлением, то он, несомненно, учитывает примеры неиспровержения режимов, объявленных диктаторскими, и разорения целых стран совместными усилиями «демократических держав», не обращающих внимания на проявления доброй воли и желание вновь интегрироваться в мировое сообщество. Эти примеры заставляют Иран исключить для себя вариант сворачивания ядерной программы. Для руководства страны, видимо, является вполне очевидным тот факт, что единый сценарий, выработанный американскими политтехнологами и успешно отработанный еще в Ираке и включающий четкие

стадии разворачивания международных информационных кампаний, введения экономических санкций и последующих военных действий, не предполагает внесения каких-либо корректировок. В такой ситуации компромиссы и уступки могут лишь дать отсрочку. Понимая это, Иран продолжает разработки в области атомной энергетики.

Свое информационное давление на Иран США объясняют мотивами обеспечения безопасности и необходимостью предотвратить «расползание» ядерного оружия по миру. При этом Америка игнорирует тот факт, что Иран, являясь членом МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии), имеет полное право вести работы по обогащению урана. Одновременно с этим, подписав в 2006 году соглашение о ядерном сотрудничестве с Индией, Соединенные Штаты фактически приветствовали начало ядерной программы в стране, не являющейся членом МАГАТЭ. Данный факт не мог быть интерпретирован иначе, как нарушение США режима нераспространения ядерного оружия и еще одно проявление американской политики двойных стандартов.

Желание Ирана развивать ядерные проекты двойного назначения вполне объяснимо: наличие такой программы, не говоря уже о наличии ядерного оружия, — это серьезная заявка на то, чтобы стать мощной региональной державой, способной оказывать влияние на территории, находящиеся в сфере стратегических интересов США. Поэтому заявленная цель информационного давления на Иран со стороны США — сворачивание ракетно-ядерной программы во имя сохранения мировой безопасности — является лишь способом подмены реальной цели: исключить сценарий усиления Ирана в регионе.

Стратегию создания негативно-го общественного мнения вокруг

иранской ядерной программы можно рассматривать двояко. Речь идет об «оружии двойного назначения», теоретически позволяющем реализовать два варианта развития событий. Во-первых, эта тактика может привести к тому, что, видя осуждение своих действий со стороны мировой общественности, Иран действительно откажется от своих планов по созданию ядерного оружия. Однако вероятность того, что страна внезапно, спустя столько лет информационного давления, осознаёт необходимость подчиниться внешнему давлению, крайне мала. Более вероятно ускорение иранской ядерной программы на фоне событий «арабской весны», подталкивающих страну к укреплению собственной безопасности.

Во-вторых, что более вероятно, эта стратегия может быть направлена на то, чтобы создать основу для оправдания возможности военного вторжения. Как это было в случае Ливии, информационная кампания в СМИ, суть которой сводилась к созданию красочного образа врага в лице безумного диктатора, совершающего преступления против собственного народа, привела к тому, что мировая общественность в целом поддержала сначала санкции, а затем и прямое международное вторжение в Ливию. Схожий вариант может быть реализован и в Иране путем создания отрицательного имиджа страны как источника ядерной угрозы для всего мира. Такой сценарий рассматривается как вполне реальный в исследованиях российских специалистов, говорящих о связи «американского нажима» на Иран и возможного последующего нанесения «военных ударов по Ирану со стороны американских и израильских вооруженных сил»¹.

Необходимо также учитывать, что кроме долгосрочных стратегических планов, связанных с политическим «переформатированием» региона, карта Ирана постоянно разыгрывается тогда, когда речь идет о личном имидже первого лица США или предвыборной борьбе за кресло президента. Так, иранский вопрос стал неотъемлемой частью имиджа Б. Обамы как борца за безъядерный мир. В 2009 году в Праге американский президент выступил с идеей создания безъядерного мира, что выглядело как удачный пиар-ход для начинающего американского президента, который поставил себе целью возвращение былой привлекательности американской демократии. Выступление явилось своего рода программной речью и получило неофициальное название «Речь о ядерном оружии» («Obama Prague Speech On Nuclear Weapons»). В своем выступлении Обама назвал нынешнюю эпоху временем, когда «угроза глобальной ядерной войны исчезла, но возрос риск ядерных атак», исходящий от террористов. В связи с этим американский президент заявил о следующем решении проблемы ядерного оружия в мире: «Страны, обладающие ядерным оружием, будут двигаться в сторону разоружения, страны без ядерного оружия его не получают, но все страны могут использовать ядерную энергию в мирных целях»².

С началом новой президентской гонки между Миттом Ромни и Баракком Обамой иранский вопрос также стал полем для зарабатывания очков и повышения предвыборных рейтингов внутри США. Так, Ромни во время визита в Израиль в июне 2012 года заявил о своей «нулевой толерантно-

¹ С. Г. Лузянин. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007. С. 131.

² «Obama Prague Speech On Nuclear Weapons». — www.huffingtonpost.com/2009/04/05/obama-prague-speech-on-nu_n_183219.html

сти»³ по отношению к Ирану, что усилило его позиции среди американских избирателей-евангелистов и иудеев. Также им была высказана поддержка позиции Израиля, считающего возможным односторонний военный удар по Ирану. Такая риторика позволила Ромни создать более четкую оппозицию между собственным имиджем и имиджем Обамы, который продолжал говорить о санкциях и дипломатических переговорах.

При этом оба кандидата выступали за беспроигрышную идею борьбы за безъядерный мир, что выглядит достойно для страны, претендующей не только на статус глобального лидера в политике и экономике, но и на моральное лидерство. Однако благие

есть наличие оппозиции в лице стран и их руководителей, стремящихся к обладанию ядерным оружием.

Создание таких оппозиций — характерный прием американской пропаганды. В этом смысле пара Обама (Ромни)—Ахмадинежад отличается от пары Буш—Хусейн лишь декорациями: в первом случае это борьба за безъядерный мир, а во втором — борьба с мировым терроризмом. На фоне этих декораций разворачивается битва между добром в лице борца за безъядерный мир (или борца с терроризмом) и злом в лице диктатора с ядерной бомбой в руках (или пособника терроризма, якобы обладающего оружием массового уничтожения). Несмотря на схематичность

рисунка, получается очень эффективная картинка, предлагающая общественности черно-белое видение мира. Такая картинка позволяет настроить международное общественное мнение против Ирана.

Нынешние информационные атаки на Исламскую Республику вполне вписываются в принцип мультилатерализма,

Нынешние информационные атаки на Исламскую Республику вполне вписываются в принцип мультилатерализма, объявленный Б. Обамой в качестве нового ориентира для внешней политики США в противовес принципу унилатерализма, ставшего символом эпохи Дж. Буша-мл.

идеи американских политиков нельзя рассматривать исключительно как абстрактно-гуманистические. Пиар Обамы и Ромни — это часть классического американского комикса про супермена и злого гения, решившего «уничтожить весь мир». Positionирование кандидатов в президенты, как любое позиционирование, предполагает «отстройку от конкурентов», то

объявленный Б. Обамой в качестве нового ориентира для внешней политики США в противовес принципу унилатерализма, ставшего символом эпохи Дж. Буша-мл. В отличие от последнего, оправдывавшего стремление США решать политические вопросы в одностороннем порядке, для мультилатералистского подхода характерно привлечение Соединенными Штатами других держав для решения международных вопросов и разделение с ними ответственности. При этом США берут на себя роль «сопровождения» или «поддержки» — что на деле озна-

³ См. «Romney would back Israeli military strike against Iran». — www.france24.com/en/20120729-usa-elections-israel-relations-politics-mitt-romney-military-action-against-iran

чает использование Америкой своих политических союзников в качестве «ресурса» для создания *иллюзии* коллегиального решения проблем.

Принципиально важно, что, чем полярнее политические взгляды участников, тем лучше, так как это создает впечатление непредвзятости выносимого общего решения. Так, например, в случае Ливии участниками международной коалиции стали Франция и Великобритания, которые, как известно, в свое время занимали противоположные позиции по Ираку. В этом смысле в иранском сценарии уже давно просматриваются кандидаты на роль международного «зачинщика», талантливо исполненную Николя Саркози в ливийской драме и позволившую США не выглядеть «мировым полицейским».

Совсем недавно распространенным было мнение, будто военный вариант развития событий в случае Ирана крайне невыгоден для США, завязших в Ираке и Афганистане. Говорилось о том, что «для Обамы крайне важно создать такую атмосферу в мире и такую политическую динамику, которая позволит усилить давление на Иран с целью заставить его отказаться от своей ядерной программы», и что Обаме «не хотелось бы начинать военные действия против Ирана, хотя его к этому подталкивают радикалы, как в самих США, так и значительная часть израильского истеблишмента»⁴. Однако на фоне революций, прокатившихся по Ближнему Востоку, учитывая военный вариант, осуществленный в Ливии, и продолжающееся военное противостояние в Сирии, такой сценарий в случае Ирана начинает приобретать все более реальные очертания. Кроме того, военный вариант в Ливии был осуществлен по модернизированному сценарию, исключавшему лидирующую роль США и наземную операцию.

В связи с этим информационное давление на Иран скорее всего направлено не на то, чтобы предотвратить овладение этой страной военным томом, а чтобы на информационном уровне сформировать необходимые предпосылки и основания для возможности реализации военного сценария. Вероятность такого варианта неизменно входит в повестку дня переговоров между американскими и израильскими официальными лицами. Во время своей встречи с М. Ромни в июне 2012 года Б. Нетаньяху говорил о необходимости «создать сильную и убедительную военную угрозу» в лице Израиля, чтобы воздействие на Иран стало более эффективным⁵.

Ярким примером создания негативного имиджа Ирана через демонстрацию мировому сообществу его агрессивности и опасности стала информационная атака на Исламскую Республику, связанная с покушением на посла Саудовской Аравии в США, о предотвращении которого американские власти объявили 11 октября 2011 года. При этом в осуществлении теракта американские спецслужбы обвинили иранскую организацию «Корпус стражей исламской революции» (КСИР), и ее элитное спецподразделение «Кудс». Последнее якобы пыталось заказать через гражданина США иранского происхождения Мансура Арбабсияра убийство посла мексиканскому наркокартелю за 1,5 миллиона долларов. При этом, по утверждению ФБР, теракт спонсировался и направлялся иранским правительством. Предполагаемым мотивом покушения якобы послужили убийства нескольких иранских ученых-ядерщиков, произошедшие в течение двух последних лет и приписываемые Израилю, заинтересованному в том, чтобы приостановить работу Ирана по созданию ядерного оружия.

⁴ А. К. Пушков. От Давоса до Куршавеля. Где решаются судьбы мира? М., 2011. С. 62.

⁵ См. «Romney would back Israeli military strike against Iran».

Иранские государственные СМИ развернули собственную контрпропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы опровергнуть обвинения в теракте и одновременно выдвинуть собственные обвинения США. Так, иранское государственное новостное агентство IRNA (Islamic Republic News Agency) в числе прочих ярких заявлений цитировало следующее высказывание духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи: «Повторение бессмысленных попыток по насаждению иранофобии подтверждает несостоятельность западных политиков. Их усилия и на этот раз ни к чему не приведут и завершатся безрезультатно. Кампанию антииранской истерии, которую в очередной раз инициирует Запад, ожидает провал»⁶.

При этом Иран отрицал не только свою причастность к теракту, но и сам факт такового, который, по мнению официальных лиц Ирана, был не чем иным, как умелой инсценировкой американских спецслужб, имевшей целью очернить Исламскую Республику в глазах мировой общественности и отвлечь американцев от экономических проблем, вылившихся в создание массового протестного движения «Захвати Уолл-стрит!».

Характерно, что и в самих Соединенных Штатах мнение общественности по поводу события разделилось. Помимо сторонников версии иранского заговора, поддерживаемой в основном ФБР и официальными властями США, как никогда сильно звучали скептические оценки этой версии. Так, например, бывший заместитель советника по борьбе с терроризмом Хуан Зарате, работавший в администрации Дж. Буша-мл., назвал план покушения на посла «очень сложным, странным, а также очень небрежным». Кроме того, Зарате сослался на историю деятельности «Кудс», сказав, что

данное подразделение «может приставить своих оперативников к целям и выполнить операцию. Обычно они не занимаются аутсорсингом, а держат все внутри проверенной сети»⁷.

За пределами США также высказывалось множество сомнений в правдоподобности версии ФБР. По словам Фолькера Пертеса, директора Немецкого института международной политики и безопасности (The German Institute for International and Security Affairs), «все чрезвычайно скептически относятся к разоблачениям американской разведки». Для Ирана такой теракт означал бы «эскалацию в отношениях с США, по масштабу превосходящую времена Иранской революции», и был бы сопоставим с «актом войны»⁸.

Подобный уровень скептицизма, как внутри, так и за пределами США, является еще одной характерной чертой информационных атак на Иран. Именно этот «международный скептицизм» по отношению к американской пропаганде является оборотной стороной внешнеполитической изоляции Ирана. Причина усиления скептических настроений заключается в том, что к настоящему моменту США накопили внушительный «багаж» дискредитирующих фактов, связанных с использованием методов и приемов информационных войн. Среди них, например, — кинопостановки эпохи войны в Ираке, инсценирующие освобождение Джессики Линч, сюжет о поимке Саифа-аль-Ислама в самом начале операции в Ливии и совсем недавние репортажи о митингах в заснеженной Москве... с пальмовыми деревьями в кадре. Эти кинопостановки дополняются общепризнанными фактами откровенной лжи, использованными как основание для военных действий, — такими, как утверждения

⁷ «New York Times». 12.10.2011.

⁸ См. www.stltoday.com/news/national/article_35a10250-1c6b-5b48-acbb-50384dd3f132.html

⁶ См. www.vesti.ru/doc.html?id=600018

о наличии оружия массового уничтожения в Ираке, о преступлениях солдат регулярных войск Ливии против гражданского населения, не подтвержденных организацией «Amnesty International», и т. п. Очевидно, что данные факты достигли критической массы, а американские спецслужбы и СМИ дискредитировали себя операциями такого рода. Поэтому проявление «международного скептицизма» стало вполне логичной реакцией на разоблачение планов покушения на саудовского посла в США.

Однако скептическое отношение международной общественности к разоблачению иранского «заговора» отнюдь не является показателем неэффективности американской пропаганды. Дело в том, что цель последней в данном случае состоит не в том, чтобы любыми средствами убедить мир в злых намерениях Ирана, доказать правоту США, привлечь на их сторону как можно больше единомышленников и обречь Иран на международную изоляцию. Истинная задача — создать *иллюзию* злых намерений, *иллюзию* правоты и *иллюзию* единомыслия. Эффективность пропаганды определяется ее способностью создавать все эти иллюзии. Причем вопросы о том, действительно ли Иран планировал такое покушение, и была ли эта авантюра логична для Ирана, был ли Мансур Арбабсиар агентом иранских спецслужб, и не были ли его поимка и разоблачение очередной инсценировкой, на самом деле не имеют значения. Важно, что подобные обвинения позволили создать впечатление опасности угроз, исходящих от Исламской Республики (связь с террористическими организациями, наличие возможностей реализовывать террористические атаки по всему миру), и дали США формальные основания призвать мировую общественность усилить давление на Иран (не только информацион-

ное, но и экономическое), а также для оправдания возможных дальнейших действий (создания международной военной коалиции по образцу Ливии и начала военной операции).

13 октября 2011 года на совместной пресс-конференции с южнокорейским президентом Б. Обама сказал, что собирается содействовать принятию самых строгих санкций против Ирана на основании тех «убедительных доказательств», полученных США, которые подтверждают причастность иранских властей к покушению. Комментируя сомнительную схему найма мексиканского киллера через гражданина США, президент Обама заявил, что американские власти «знают, что у него [гражданина США] были прямые связи с иранским правительством, что ему платили и им руководили конкретные люди из правительства»⁹. На чем основывалась такая уверенность, президент не уточнил, однако обнародование этих фактов позволило усилить негативный имидж Ирана и стало фактором влияния на мировое общественное мнение. На призыв президента Обамы поддержать международное информационное давление на Иран незамедлительно откликнулись Саудовская Аравия и Великобритания (что неудивительно, учитывая традиционную поддержку, оказываемую Лондоном инициативам США). Официальная Франция также выступила с поддержкой позиции Америки.

К событиям информационной агрессии против Ирана в 2011—2012 годах относятся также случаи кибератак на системы автоматизированного управления иранских ядерных и нефтяных объектов. Последняя из таких атак, по заявлениям иранских СМИ, была успешно отражена 8 октября 2012 года. В информационных атаках против Ирана задействуются ведущие западные агентства. Результатом тако-

⁹ См. «New York Times». 13.10.2011.

го активного участия нередко становятся открытые столкновения, подобные публичным претензиям Ирана к агентству «Рейтер», связанным с публикацией последним видеорепортажа о военной подготовке, которая ведется в Иране. Публикация привела к временной приостановке деятельности агентства на территории Ирана.

Россия до сих пор пытается найти способы примирения американской и иранской позиций в урегулировании ядерного кризиса. США при этом заинтересованы в том, чтобы РФ прекратила сотрудничество с Ираном в какой бы то ни было форме. Для нашей страны такой вариант означает не только экономические потери от остановки совместных российско-иранских проектов в области атомной энергетики (строительство АЭС на территории Ирана и контракты на поставку отработанного ядерного топлива), транспортных проектов и контрактов на поставку вооружений. Россия также понесет нематериальные потери, связанные с падением ее престижа на международной арене, поскольку это будет означать, что РФ потерпела неудачу в роли посредника по урегулированию ядерного кризиса, не сумев повлиять на Иран и уступив под нажимом США. На сегодня российская позиция по иранскому кризису является едва ли не единственным фактором, мешающим осуществлению военного варианта развития событий.

В 1990-е годы наша страна стала одной из первых в цепочке стран, испытывавших на себе весь спектр международного давления, осуществлявшегося по схеме, ставшей впоследствии традиционной: создание негативного имиджа страны-агрессора, введение экономических санкций, постановка вопроса о военном вмешательстве. Так, информационная стратегия западных стран во время первой и второй российских кампаний в Чечне была направлена на то, чтобы создать

негативный образ России и легитимировать действия чеченских сепаратистов в глазах мировой общественности. Для этого Великобритания и Франция организовывали официальные приемы чеченских эмиссаров, широко освещавшиеся в СМИ. Следующим шагом стало требование о введении экономических санкций, выдвинутое Францией на саммите ЕС в декабре 1999 года с целью заставить руководство России начать переговоры с А. Масхадовым. Третьим шагом стало предложение, с которым выступили США на заседании парламентской ассамблеи альянса в ноябре 1999 года, о принятии резолюции НАТО о гуманитарной интервенции в Чечне в обход мнения ООН и ОБСЕ. Реализация плана территориальной дезинтеграции РФ могла бы стать последним завершающим этапом курса либерально-демократических реформ, приведших к развалу экономики, демографической катастрофе (потери от которой сравнимы с потерями СССР в годы Второй мировой войны), разрушению системы образования и беспрецедентному падению нравов.

В случае Ирана наблюдается реализация аналогичной схемы, являющейся частью общей стратегии по реформатированию «Большого Востока». Однако здесь поводом для международного давления являются не сепаратистские движения внутри страны, а старательно культивируемая легенда о возможной разработке Ираном ядерного оружия. При этом если в случае с Ираком в основу военной операции легло *утверждение* о наличии оружия массового уничтожения, то в случае Исламской Республики достаточно одного *предположения*. Если так пойдет и дальше, то, вероятно, следующим шагом развития американских пропагандистских технологий станет полный отказ от ненужной необходимости как-либо объяснять свои действия остальному миру. ◆